18+

Дмитрий Резниченко

Порог 9. Дыхание неизбежности

Горизонты грядущего.
Книга 1

Дмитрий Резниченко

Порог 9. Дыхание неизбежности. Горизонты грядущего. Книга 1

https://litres.ru/74927422
ISBN 9785007169776

Аннотация

«Порог 9» — состояние, в котором старое уже закончилось, а новое ещё не началось. Девять — число завершения: девять месяцев вынашивания, девятый вал, девятый шаг перед десятком, в котором содержатся и единица, и ноль. Всякий переход — в жизни человека, народа, эпохи — имеет собственное строение. Порог — не пауза между жизнями, а самостоятельное состояние со своей физикой. Для тех, кто стоит на пороге сейчас, и для тех, кто помогает переходить другим. Порог — не препятствие. Это дверь.

Содержание

Пролог. Клетка, которая трещит 5
ЧАСТЬ I. Диагноз внешнего контура 8
Глава 1. От Левиафана Гоббса до вычислительного Левиафана. Эволюция монстра 8
Глава 2. Спектакль конкуренции: термоядерный мираж и глобальная сборка 15
Глава 3. Клетка из комфорта: умный город, геймификация смерти, стирание памяти 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Порог 9. Дыхание неизбежности Горизонты грядущего. Книга 1

Дмитрий Резниченко

© Дмитрий Резниченко, 2026

ISBN 978-5-0071-6977-6 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-6980-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Горизонты грядущего

Книга 1
Порог 9. Дыхание неизбежности

Пролог. Клетка, которая трещит

Яд, который выделяет система, у одних вызывает паралич воли,
у других клаустрофобию духа,
а иные вырабатывают противоядие и выходят за её рамки.

Мы живём в четырёхмерной клетке пространства-времени и привыкли считать её единственно возможной реальностью. Но клетка трещит. Квантовая запутанность, нелокальность, проблема наблюдателя, тёмная материя и тёмная энергия — это не «загадки для будущих учебников», это симптомы того, что четырёхмерный континуум — частный случай более сложной, многомерной структуры. Физика последних десятилетий говорит об этом всё громче: Джон Уилер сформулировал принцип «it from bit» — «всякое сущее происходит из бита», — предположив, что информация первичнее материи; голографический принцип («т Хоофт, Сасскинд) показал, что всё содержание объёма может быть записано на его границе; энтропия Бекенштейна — Хокинга оказалась пропорциональна не объёму, а площади горизонта — как будто Вселенная хранит данные на поверхности, а не внутри. Карл Фристон добавил к этому картину мозга как машины предсказания, минимизирующей свободную энергию, — и человек вдруг оказался не зеркалом мира, а его

активной гипотезой. Сложите эти штрихи — и проступает контур онтологии, в которой сознание и информация — не сопутствующие приметы бытия, а его главные действующие силы.

Именно в эту трещину и входит наш порог. В феврале 2026 года Cambridge University Press опубликовал в сборнике «Altered Minds» главу Шелдона Ли Гослайна «Threshold 9»: человечество входит в девятый порог Большой истории — переход к сознательной эволюции, когда химические, цифровые и символические технологии начинают активно перестраивать идентичность, память и смыслы. Это не футурология и не эзотерика — это академический консенсус, о котором 99,9% населения не знает: система не заинтересована в том, чтобы пассажир знал, куда плывёт корабль.

Иван Ильин в «Пути к очевидности» писал о глубочайшем кризисе современности — разрушении коренных начал бытия — и о том, что восстановить их можно, лишь глубоко проникнув в их подлинную природу, отдав силы «предметному созерцанию». Трилогия «Горизонты грядущего» — упражнение в таком созерцании, направленном на переходную эпоху. Книга первая ставит диагноз: как устроен Левиафан, съедающий субъектность, и что такое порог, в который мы вошли. Книга вторая описывает инструменты: материю-конструктор, экспансию в космос и тонкие планы, машины, синхронизирующиеся без дирижёра. Книга третья формулирует этику: что станет с добром и злом, когда по-

следствия станут мгновенными, а магия — нормой. Ось одна: порог → движение → выбор.

Мы не выбирали этот переход. Он случился. Но мы выбираем, как в нём участвовать: жертвой или капитаном. Диагноз не приговор — это карта. Начнём с анатомии монстра, рядом с которым мы живём.

Мост к главе 1. Прежде чем смотреть в трещину, нужно понять, кто построил клетку и как она эволюционировала от грубого меча к алгоритму. Глава 1 — анатомия монстра: от Гоббса до Вычислительного Левиафана, четыре отличия цифрового зверя от гоббсовского, и почему его нельзя победить в лобовом бою, но можно обхитрить.

ЧАСТЬ I. Диагноз внешнего контура

Глава 1. От Левиафана Гоббса до вычислительного Левиафана. Эволюция монстра

Абсурдность окружающей нас лжи компенсируется наглостью, с которой нам её навязывают.

В 1651 году Томас Гоббс взял библейское морское чудовище — «царя над всеми сынами гордости» — и превратил его в метафору государства. Левиафан Гоббса — искусственный организм: верховная власть — его «искусственная душа», чиновники — «суставы», награды и наказания — «нервы». Это машина, созданная людьми, но возвышающаяся над ними; её цель — порядок, её инструмент — страх перед наказанием, её топливо — налоги и труд подданных. Гоббс не боялся монстра: он видел в нём единственное спасение от «войны всех против всех». Он не мог представить, что через три с половиной столетия появится технология, способная вырастить Левиафана несравнимо более могущественного и

при этом почти невидимого — монстра, которого не нужно бояться, потому что он предлагает комфорт.

Цифровой Левиафан: четыре отличия от Гоббса

Цифровой Левиафан — глобальный квазибиологический организм из людей и машин, «не живой и не мёртвый, не кварцевый и не белковый», без выраженного центра принятия решений. От гоббсовского он отличается четырьмя свойствами. Он глобален: национальные границы для него — линии на устаревшей карте. Он вездесущ: он живёт в смартфоне, умной колонке, камере, банковском приложении. Он питается данными: не налогами, а нашими запросами, лайками, геолокациями, паузами, «мельчайшими движениями души». И он не требует страха — он предлагает удобство: персонализированную ленту, быструю доставку, умный дом. Плата за комфорт — цифровая личность, которую мы добровольно отчуждаем, сами того не осознавая. Шерри Шекл назвала бы это «капитализмом слежки», а Шлошана Зубофф уточнила: сырьём здесь служит поведенческий surplus — избыток данных о нашем поведении, из которого извлекается прибыль и прогнозы прибыли. Левиафан Гоббса забирал труд; Левиафан онлайна забирает само поведение.

В академической среде этот организм исследуют под именем «Вычислительный Левиафан»: общество как агентно-ориентированная модель, где индивид — узел гигантской сети, функциональный элемент, обязанный исправно передавать данные и реагировать на стимулы. Сбой одного эле-

мента сказывается на всей системе; как клетка в организме, индивид не может существовать вне системы — но и система полностью зависит от его «правильного» функционирования. Этот подход лишает монстра зловещей морды: он просто механизм, эффективная машина по переработке поведения в прибыль и управленческие решения. Тем он и опаснее: у механизма нет совести, которую можно воззвать.

У Левиафана, как у любого организма есть анатомия.

Сенсорная система — интернет вещей и смартфон: камеры, фитнес-браслеты, умные колонки, датчики автомобилей. Смартфон — главный троянский конь истории: мы сами носим его 24/7 и сами платим за него. Левиафан знает наш пульс, настроение по голосу, страхи по запросам; он видит не только нас, но и наши связи — карту слабостей.

Нервная система — алгоритмы и большие данные: дата-центры, где нейросети выявляют паттерны и предсказывают желания. Здесь уместно принять научную шутку: теория свободного принципа Карла Фристона описывает мозг как машину предсказания, минимизирующую сюрприз. Левиафан построил внешний предиктивный мозг — и он предсказывает нас точнее, чем мы предсказываем себя. Алгоритм не регистрирует реальность пассивно: он активно формирует её, подсовывая контент, усиливающий эмоции и закрепляющий привычки.

Система поддержания и развития — дофаминовые петли: лайки, уведомления, бесконечная лента. Гоббсовский

монстр использовал наказание; цифровой использует поощрение — и это сильнее. Математическая модель «Левиафан» показывает: люди повышают мнение о тех, кто высоко ценит их самих; алгоритмы эксплуатируют это тщеславие, создавая иллюзию значимости и подсаживая на иглу социального одобрения. Зависимый — предсказуем; предсказуемый — управляем.

Иммунная система — теневые баны, маргинализация, «рейтинги доверия», охота на ведьм. Государство, пытаясь оседлать монстра национальными законами, действует грубо — но это лишь неуклюжая интервенция в чужой организм: подлинная иммунная система Левиафана работает тоньше, она не сажает в тюрьму, она лишает аудитории, ресурсов, связей. Она делает несогласного непрозрачным для других и прозрачным для себя.

Взлом сознания: три отмычки

Как монстр взламывает капитанский мостик (напомню, уважаемый читатель, что мы продолжаем пользоваться морскими аналогиями, опираясь на опубликованную серию книг «Введение в прикладную антропологию», где человек представал перед нами и как корабль — тело, энергетические центры, и как капитан этого корабля — осознание, дух, интегральный вектор намерения?

Первая отмычка — информационная перегрузка: шум переводит человека в реактивный режим «стимул — реакция»; мы перестаём быть авторами действий и становимся

респондентами.

Вторая отмычка — микроконтроль поведения: «архитектура выбора» (Талер, Санстейн) — незаметные подталкивания, где каждый клик и каждая пауза анализируются, чтобы подсунуть следующий «правильный» вариант, о котором мы думаем, что сделали выбор, решили сами.

Третья отмычка — стирание субъектности: в сетевой волне лайк и репост перестают быть высказыванием и становятся сигналом для машины; нюансы не важны — важен паттерн. Философский диагноз здесь дал Хайдеггер: сущность техники — «склад» (Gestell), способ раскрытия бытия, при котором всё, включая человека, превращается в «состав», стоячий резерв, Bestand. Левиафан — склад, доросший до биологии: он не эксплуатирует человека — он складирует его поведение. Хан Бён Чхоль добавил штрих эпохи: власть больше не запрещает — она соблазняет; дисциплинарное общество сменилось обществом достижения и соблазна, и эксплуатация стала добровольной, потому что выглядит как свобода.

Главная ставка в этой игре — воля. В русском языке слово «воля» означает одновременно свободу и способность к усилию — и это не случайность, а программа: воля к свободе есть ежедневное усилие освобождения себя из-под невидимой власти алгоритмов. Книга 3 серии «Введение в прикладную антропологию» описала эту волю как интегральный вектор намерения, а книгу 3 целиком посвятила тому, как

этот вектор защитить. Здесь мы поднимаем тот же вопрос на этаж выше: не как защитить вектор одного корабля, а как защитить саму возможность вектора в эпоху, когда среда стала тотальным пастухом.

Противоядие: сознание как непрозрачность

Рецепт прост и невероятно сложен: духовно-нравственное развитие должно опережать технологическое. Это не луддитство: это гигиена. Способность сказать «нет» дофаминовой петле, отключить уведомления, выйти в тишину — взращивание, тренировка того самого высшего дара супраментальности, который монстр стремится атрофировать. И здесь у капитана есть физика на своей стороне: Левиафан питается неосознанным поведением — он читает только паттерны. Включённое сознание непредсказуемо по определению: оно способно на разрыв шаблона, на паузу, на поступок вопреки прогнозу. Осознанность — это не добродетель из проповеди; это техника непрозрачности: пока вы осознаёте, вы не корм. Монстр кажется непобедимым, но у него есть уязвимость, как у всякого паразита: он не умеет есть проснувшихся.

Оговорюсь, чтобы не было кривотолков: всё изложенное в этой книге — модель, рабочая гипотеза, карта. Она не претендует на статус доказанной теории и не требует веры. Она требует наблюдения: проверьте её на себе, на своём бортовом журнале, на своём теле. Если работает — берите. Если нет — оставьте. Ваш путь — только ваш.

Мост к главе 2. Анатомия монстра разобрана: сенсоры,

нервы, подкрепление, иммунитет. Но монстр не работает в вакууме — он работает в среде, которую мы называем «гонкой». Глава 2 — спектакль конкуренции: почему термоядерный мираж удобен Левиафану, как миметическое желание заставляет столицы бежать за соперником, и как глобальная сборка превращает «гонку» в конвейер без хозяина.

Глава 2. Спектакль конкуренции: термоядерный мираж и глобальная сборка

Велосипед когда-то придумал пешеход.

Осень 2025 года. Берлин. Федеральное министерство образования и научных исследований объявляет о старте «Hightech Agenda Deutschland»; канцлер Мерц обещает превратить Германию в «хай-тек республику», и среди шести приоритетных технологий — термоядерный синтез: более 2 млрд евро до 2029 года, цель — первый в мире термоядерный реактор на немецкой земле. Ноябрь 2025-го, Вашингтон: президент Трамп подписывает указ о «Genesis Mission» — национальной AI-платформе для ускорения научных открытий, интегрирующей данные NASA, NIH, NSF и DOE, и термояд в этой повестке идёт в связке с ИИ. Москва, годом раньше: актуализирован «Прогноз научно-технологического развития РФ до 2030 года» с двумя сценариями — «технологическая адаптация» и «технологический рывок»; новые источники энергии — в списке приоритетов. Пекин доводит до блеска «Made in China 2025» с десятью секторами и целью мирового лидерства к 2049 году. Токио вливает 30 трлн иен государственных и 120 трлн государственно-част-

ных инвестиций в «Society 5.0». Мир соревнуется. Мир бежит. Мир кричит о гонке. И именно поэтому стоит остановиться и спросить: а есть ли гонка вообще? Или есть спектакль, в котором каждый бежит свой отрезок эстафеты, будучи уверенным, что бежит против остальных?

Анатомия миража: реактор, которому всегда тридцать лет

Начнём с физики и экономики, потому что без них спектакль не понять. Управляемый термоядерный синтез — мечта безупречная: топливо из воды (дейтерий), энергии на порядки больше, чем у углеводородов, ни длинного радиоактивного следа, ни углеродного выхлопа. И одновременно — это технология, о которой уже полвека говорят одно и то же: «до промышленного образца осталось тридцать лет». Это не шутка и не заговор физиков: это свойство объекта. Плазма в сто миллионов градусов не хочет держаться в магнитной ловушке; каждый шаг к устойчивому синтезу порождает три новых инженерных проблемы; термояд — задача, у которой горизонт отодвигается по мере приближения.

Международный термоядерный экспериментальный реактор ITER — витрина этой логики. Строится во Франции, в Кадараше, с участием 35 стран, включая Россию, США, Китай, Индию, Японию и Евросоюз; бюджет, задуманный в районе нескольких миллиардов, перевалил за 20 млрд евро; сроки первой плазмы сдвигались дважды и уехали в 2030-е. Наука об управлении давно дала этому явлению имя: эс-

калация обязательств (Барри Стоу) — механизм, при котором система, вложившая ресурс, продолжает вкладывать не потому, что цель стала ближе, а потому, что признать остановку — значит признать потерю уже вложенного. И второе имя — железный закон мегапроектов Бента Фливбьерга: мегапроекты систематически идут «сверх бюджета, сверх срока, ниже выгод»; по его данным, около девяти десятых мегапроектов мира не укладываются в смету. ITER — не исключение из закона; ITER — его хрестоматийная иллюстрация.

И вот здесь начинается самое интересное для нашей диагностики. Если реактор экономически иррационален как проект, почему государства вкладывают в него миллиарды с такой охотой? Потому что термояд удобен Левиафану именно своей вечной отсроченностью. Цель, которая всегда в тридцати годах, — идеальный мобилизационный горизонт: она никогда не будет достигнута, а значит, никогда не перестанет работать насосом по перекачке налогов в систему. Достигнутая цель умирает как цель; недостигаемая — живёт вечно. Термоядерный мираж — это не обман и не ошибка; это, говоря языком Бодрийяра, симулякр: знак, который больше не ссылается ни на какой реальный объект, а производит реальность сам — реальность бюджетов, институтов, карьер, заголовков. Гонка за термоядом реальнее любого реактора.

Миметический двигатель: зачем сопернику соперник

Вторая оптика — философская. Рене Жирар, изучая желание, показал: мы желаем не предметы, а то, чего желает другой; соперник не мешает желанию — он его порождает. Это называется миметическим желанием, и в двойнике-сопернике (double) Жирар видел двигатель всей человеческой истории: от мифов до войн. Приложите эту оптику к технологической гонке — и картина прояснится. Германия хочет термояд не потому, что Германии не хватает энергии: Германия хочет термояд, потому что его хотят США и Китай. США строят AI-платформу не потому, что им мало науки: а потому что её строит Китай. Китай печатает органы и роботизирует фабрики, глядя на Запад. Каждая столица уверена, что бежит против соперника; в действительности каждая бежит за соперником, повторяя его жесты с задержкой в один такт.

Жирар добавил бы: миметические близнецы сходятся до неразличимости. Присмотритесь к стратегическим документам: шесть приоритетов Германии, десять секторов Китая, Genesis Mission США, Society 5.0 Японии, прогноз РФ — это один и тот же список, переписанный пятью канцеляриями: ИИ, кванты, биотех, новые материалы, энергетика, роботизация. Соперники не различаются целями — они различаются только флагами на рукавах. Это и есть подпись спектакля: конкуренция форм, кооперация содержаний.

Ги Дебор назвал бы это обществом спектакля: спектакль — не совокупность образов, а общественное отношение,

опосредованное образами. Образ «гонки» нужен не для того, чтобы описать реальность, а для того, чтобы её произвести: пока налогоплательщик верит, что «мы обгоняем Америку», он платит налог, терпит сокращения и гордится бюджетной строкой. Спектакль конкуренции — это машина мобилизации, в которой враг является топливом, а не целью. Убери врага — и машина остановится: никто не будет платить за проект, который «просто полезен человечеству». Поэтому соперники в этой гонке не могут победить друг друга по определению: победа одного означала бы остановку двигателя, общего для всех.

Глобальная сборка: конвейер, у которого нет хозяина

Теперь — третий слой, инженерный. Если гонки нет, что есть? Есть сборка. Левиафан собирает своё будущее из деталей, которые оплачивают разные страны, каждая из которых уверена, что строит своё национальное преимущество. Германия оплатит стенды и магниты; Китай — производственные цепочки и биомедицину; США — данные и алгоритмы; Япония — интеграцию кибер- и физического пространства; Россия — кадры физиков и ниши квантовых технологий. На выходе ни одна из этих деталей не останется «национальной»: термоядерный реактор в Германии будет собран на технологиях, рождённых в США и Китае; американская AI-платформа будет обучена на данных со всего мира; органы, напечатанные в Китае, поедут в европейские клиники. Это не «гонка вооружений». Это конвейер, на котором раз-

ные цеха, не сговариваясь, производят один и тот же продукт: глобальную технологическую инфраструктуру следующего поколения.

Важнейшая деталь для честности диагностики: у конвейера нет хозяина в большой чёрной башне. Это не мировой заговор, и искать «мировое правительство» с фонариком — значит тратить время на миф. Есть рутина большой политики: межправительственные соглашения, согласование стандартов, обмен кадрами, патентные коридоры, совместные мегапроекты вроде ITER. Эта рутина, суммируясь, порождает систему, которая работает независимо от желаний отдельных стран и отдельных людей. Левиафан — не заговор, а эмерджентность: свойство целого, которого нет ни в одной из частей. Каждая страна искренне считает себя игроком; система в целом ведёт себя как организм, у которого страны — органы. Печень не обманывает организм, когда перерабатывает токсины; она просто делает своё дело, и организм живёт. Так и здесь: национальные «гонки» — это физиология глобального тела.

Отсюда — ирония, которую стоит зафиксировать как закон: чем громче страна кричит о своём технологическом суверенитете, тем глубже она встроена в глобальную сборку. Суверенитет — это лексика спектакля; встроенность — это физика конвейера. И российский прогноз с его двумя сценариями («адаптация» или «рывок») — не карта выбора, а описание двух способов быть встроенным: догоняя или об-

гоняя по чужой трассе. Трасса при этом одна.

Иллюзия выбора и цена билета

Что получает налогоплательщик за свой билет в этот спектакль? Он получает иллюзию участия. Выбор между «адаптацией» и «рывком» подаётся как развилка судеб; но обе ветви ведут в один и тот же лес: в лес глобальной инфраструктуры, где решения о стандартах, данных и цепочках принимаются на уровне, недоступном взгляду изнутри любой отдельной страны. Иллюзия выбора — не заговор против граждан; это, опять же, физиология: система не может мобилизовать ресурс без нарратива о том, что «всё зависит от нас». Нарратив свободы выбора — это смазка конвейера.

Но у билета есть и вторая сторона, о которой стоит сказать без пафоса: спектакль конкуренции — продуктивен. Он даёт науке деньги, инженерии — задачи, молодым — лифты. ITER, при всей своей мегапроектной патологии, вырастил поколение физиков плазмы и материаловедов; Genesis Mission, при всей её риторике, ускорит научные открытия; китайская роботизация удешевит протезы. Левиафан не злой и не добрый — он метаболичен: он перерабатывает страх и тщеславие в инфраструктуру. Проблема не в том, что спектакль лжёт; проблема в том, что зритель, принявший спектакль за свою биографию, перестаёт быть субъектом и становится статистом. Разница между фанатом на трибуне и инженером в цехе — не в том, что один видит спектакль, а другой нет; а в том, что один верит, будто исход гонки опре-

делит его жизнь, а другой знает, что его жизнь определит то, что он построит своими руками, независимо от исхода.

Капитан и большая регата

Сведём диагностику в практику. Первое: видеть спектакль как спектакль — не отрицая его продуктивности, но и не отдавая ему своей субъектности. Новости о «гонке» читать как афишу: знать, что идёт, но не ставить на исход свою самооценку. Второе: не искать хозяина в башне — ни «мирового правительства», ни «рептилоидов»; искать механизм, структуру, рутину; механизм понят — значит, предсказуем. Третье, главное: строить свой корабль, а не болеть за регату. У капитана нет ставки на чужой гонке; у капитана есть свой маршрут, своя оснастка, своя команда. Технологическая волна (графен, синтезаторы, нейроинтерфейсы — о них в книге 2 трилогии) придёт независимо от того, чей флаг будет на финише; вопрос капитана — не «кто победит», а «как я использую эту волну, не став её пеной».

И здесь спектакль конкуренции смыкается с главной темой книги: Левиафан питается неосознанным поведением. Фанат гонки — прозрачен и предсказуем: его страх и гордость просчитаны, его налоги учтены, его гнев монетизирован. Капитан, видящий трассу с холма, — непрозрачен: он не кормит спектакль своей верой, он берёт у спектакля только то, что нужно его кораблю. Это и есть первая точка опоры в экономике внимания: не верить афише — читать навигационные карты, технические чертежи.

Мост к главе 3. Спектакль конкуренции показывает, как Левиафан мобилизует внимание на макроуровне. Но есть уровень микро — клетка из комфорта, в которой каждый из нас живёт ежедневно. Глава 3 — умный город, геймификация смерти, стирание памяти: три стены одной клетки, и противоядие, которое называется «неудобный ресурс».

Глава 3. Клетка из комфорта: умный город, геймификация смерти, стирание памяти

Мы бежим вперёд, чтобы оказаться в светлом будущем, но оказываемся в туманном настоящем под давлением тёмного прошлого.

Клетка, в которой мы живём, не имеет решёток. Она не пахнет железом и не звенит ключами. Она пахнет латте с карамельным сиропом, звенит уведомлением о скидке и светится голубоватым экраном смартфона в 23:47. Это клетка нового типа — клетка из комфорта. В старой клетке узник знал, что он узник; в новой — он убеждён, что свободен, потому что сам выбрал диван, сам заказал ужин, сам включил сериал. В старой клетке бунтовали; в новой — не до бунта, слишком уютно. Хан Бён Чхоль в «Психополитике» назвал этот переход сменой парадигмы власти: от дисциплинарного общества Фуко — к обществу достижения и соблазна. Эксплуатация стала добровольной, потому что выглядит как свобода. Левиафан больше не ломится в дверь — он живёт внутри квартиры и называет себя «умным домом». В этой главе мы разберём три её стены: умный город, геймифицированную войну и стираемую память. Три стены —

одна клетка.

Умный город: комфорт как анестезия

В 2025 году правительство РФ утвердило Стратегию инновационного развития «Умный город» до 2030 года. Ключевая идея — цифровая трансформация городского хозяйства, внедрение ИИ во все сферы жизни. Светофоры, подстраивающиеся под поток; урны, вызывающие мусоровоз; остановки, показывающие, когда придёт автобус. Звучит как обещание. И это действительно обещание — только обещание не нам.

Понятие «умный город» — зонтичный термин: под него можно подвести что угодно, приклеив ярлык «smart». Умная остановка, умная урна, умный бордюр — всё это не про комфорт. Это про сбор данных. Каждая инфраструктурная единица становится источником сигнала о нас. Урбанист Аркадий Гершман формулирует трезво: «очень часто технологиями пытаются закрыть системные дыры. Кажется, что, если мы сейчас что-то купим, вжух, как волшебная пилюля, так у нас сразу всё будет хорошо». Но пилюля не работает, потому что болезнь — не в отсутствии датчиков, а в отсутствии управления.

Московские трамвайные стрелки зимой не переключаются, пока их не очистят ломиком. «Умный трамвай» не решит эту проблему — он встанет так же, как и обычный, потому что инфраструктура тупая, а не умная. Технология здесь — не решение, а костыль: костыль, который собирает данные

о водителе, пассажирах и самом трамвае. И все эти данные — системе. Вся цифровизация направлена на сбор данных о нас. Завтра вы не пойдёте в больницу — к вам прилетит дрон, возьмёт анализы и выпишет рецепт или выдаст лекарства, если это предусматривает ваша страховка. Выбор сделает он, а не вы. И никаких душещипательных разговоров. И задумайтесь: больших ли усилий будет стоить вас списать, если так решит система.

Психологическая цена комфорта глубже, чем финансовая. Каждый «подарок» умного города требует платы — и плата эта не в рублях, а в утраченной способности принимать решения. Когда город подсказывает маршрут — вы перестаёте запоминать дорогу. Когда алгоритм рекомендует фильм — вы перестаёте искать. Когда система предсказывает желания — вы перестаёте их осознавать. Это не гипотеза, это подтверждённый психологический эффект: чем комфортнее среда, тем меньше поводов включать мышление. А если мышление не включается, субъект становится функцией.

Выбор в умном городе — иллюзорный. Кликаешь по картинкам, выбираешь между двумя вариантами — но оба заранее выбраны за тебя. Какая разница, в какой из двух кофеен одной сети заказать латте? Какой смысл выбирать маршрут, если все дороги ведут в ту же точку? Карл Фристон описал бы это как минимизацию свободной энергии: алгоритм снижает неожиданность среды, убирая из неё всё, что могло бы

вас удивить, — а вместе с неожиданностью уходит и возможность выбора. Город становится машиной по производству предсказуемости; а человек, лишённый неожиданности, — предсказуемой биологической функцией.

Стратегия выживания в умном городе проста и невыносима своей назойливостью осенней мухи: осознавать цену (каждый раз, пользуясь «умной» услугой, спрашивать себя, что отдаёшь); не доверять алгоритмам, особенно когда они правы (именно тогда они опаснее всего); сохранять навыки — запоминать дороги без навигатора, искать информацию без рекомендаций, принимать решения без подсказок; создавать зоны тишины — места без датчиков, время без подключений, практики без технологий. И главное — не верить в «волшебную пилюлю». Комфорт — не решение. Комфорт — условие, в котором легче всего забыть, что ты живой.

В качестве примера скажу, что у меня, к примеру, жизнь сложилась так, что мне и моей семье приходилось и приходится много переезжать. Сперва военная служба, затем работа в регионах и командировки. Нынешнее место жительства (именно жительства, а не временного пребывания) у меня 28-е, если я не ошибаюсь. Я помню десятки городов, сотни дорог и инфраструктур, тысячи людей. Но для каждого нового места одно правило: изучить дороги, инфраструктуру, соседей и т. д. Желательно, что касается географии — и пешком, и на машине. Восприятие разное. Ничто не заменяет личное присутствие. И никакой телефонный разговор или

электронное письмо не способны заменить личное общение.

Геймификация смерти: война как привычка

Если умный город анестезирует быт, то геймификация войны анестезирует смерть. Это вторая стена клетки.

Смерть превращается в статистику. Победа — в достижение следующего уровня. Любое решение лишается моральной тяжести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.